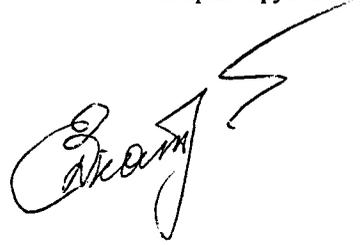

На правах рукописи

Добрицкая Екатерина Михайловна

**ПОНИМАНИЕ ЦИВИЛИЗОВАННОСТИ И ВАРВАРСТВА В
МИРОВОЗЗРЕНИИ ДРЕВНЕГО КИТАЯ: ДОКОНФУЦИАНСКАЯ И
КОНФУЦИАНСКАЯ МОДЕЛИ ЧЕЛОВЕКА И МИРА**

24.00.01 – теория и история культуры

АВТОРЕФЕРАТ

диссертации на соискание ученой степени
кандидата философских наук

Работа выполнена на кафедре культурологии и социальной коммуникации гуманитарного факультета ГОУ ВПО «Томский политехнический университет»

Научный руководитель: доктор философских наук, профессор
Сычева Светлана Георгиевна

Официальные оппоненты: доктор философских наук, профессор
Сулова Татьяна Ивановна

кандидат философских наук, доцент
Свистунов Валерий Николаевич

Ведущая организация: ГОУ ВПО «Новосибирский
государственный университет»

Защита диссертации состоится 5 июня 2009 г. в 16.30 часов на заседании диссертационного совета Д 212.267.17 при ГОУ ВПО «Томский государственный университет», по адресу: 634050, г. Томск, пр. Ленина 36, Главный корпус ТГУ, ауд. 318.

С диссертацией можно ознакомиться в Научной библиотеке ГОУ ВПО «Томский государственный университет» по адресу: 634050 г. Томск, пр. Ленина, 34 а.

Автореферат разослан «5» мая 2009 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета
кандидат философских наук,
доцент

В.Е. Буденкова

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность исследования. В современном мире тенденция к глобализации тотальна и неоспорима, и изолированное развитие культур вряд ли возможно.

Сейчас усиливается интерес многих государств к Китаю. Это связано со стремительными темпами развития Срединной империи и непрерывно возрастающей ролью этой страны в мировых процессах.

Однако традиционный европейский подход, основанный на идее культурного диалога – взаимодействия, взаимовлияния и взаимообогащения культур – оказывается нежизнеспособным при попытке наладить эффективную коммуникацию с носителями китайской культуры.

В чем причина? Ответ на этот вопрос предполагает обращение к глубинным слоям китайской культуры; исследование традиционного китайского взгляда на внешний мир и населяющие его народы.

Исследование этих взглядов зачастую соотносится с анализом этноцентристской концепции Конфуция, задавшей направление дальнейшего восприятия китайцами других народов. Соглашаясь с определяющей ролью взглядов Конфуция на внешний мир и в нынешнем китайском менталитете, а также влиянием этих взглядов на линию внешней политики императорского Китая, данное исследование все же предлагает расширить рамки исследования феномена китаецентризма и проанализировать развитие китаецентристских представлений в динамике: от доконфуцианского мировоззрения к конфуцианскому.

Исследование истоков и реконструирование генезиса этноцентристской концепции Конфуция предполагает комплексный анализ зафиксированных в древнекитайских философских текстах представлений о происхождении сущего, мироустройстве, роли *Шанди* (Верховного владыки), Неба, Сына Неба в универсуме, а также воссоздание модели человека и модели мира в доконфуцианском и конфуцианском представлении.

Актуальность обращения к истокам китайского этноцентризма обусловлена тем, что он и по сей день формирует отношение к иностранцам в рамках национального менталитета.

Степень разработанности проблемы: источники исследования. Круг источников для настоящей работы определяет междисциплинарный подход, предполагаемый обращением к заданной теме. Это комплекс литературы, включающий древнекитайские философские и исторические труды, а также работы

современных авторов в области философии, культурологии, истории, этнологии. Выделим основные группы источников, к которым обратился автор.

Первую группу исследованных источников составляют оригинальные труды на древнекитайском книжном языке – *вэньяне*. Обращение к оригинальным текстам «Ши цзи», «Шу цзина» («Шан шу»), «Лунь юя», а также фрагментам текстов «Шэньи цзина», «Куо дичжи», «Эръя» было продиктовано попытками понимания истинного смысла древнекитайских текстов, перевод которых на разговорный китайский язык – *байхуа* – подобен трансляции этих текстов на другие языки.

Бесспорно, постижение древнекитайских философских текстов невозможно без обращения к комментаторской традиции, поэтому настоящее исследование обращается к мнениям таких признанных комментаторов как Кун Аньго, Чжэн Сюань, Ма Жун, Ду Юй, Сюй Гуан.

Свой вариант интерпретации древнекитайских текстов автор дает в сопоставлении с переводами таких признанных отечественных востоковедов как А.С. Мартынов, Л.С. Переломов, А.Е. Лукьянов, Л.С. Васильев, В.П. Васильев, В.А. Кривцов, П.С. Попов, И.И. Семененко, С. Кучера. Настоящая работа обращается также к переводам И.С. Лисевича, Р.В. Вяткина, В.М. Алексеева, В. Г. Бурова. В качестве примера перевода древнекитайских текстов на *байхуа* используется интерпретация У Шупина.

Воспроизводя образ жизни «варварских племен» в представлении древних китайцев, автор, помимо текстов «Ши цзи» с комментариями, «Шу цзина», «Лунь юя», «Ли цзи», опирался на работы Х.Г. Крила; М.В. Крюкова, М.В. Софронова, Н.Н. Чебоксарова; Л.С. Переломова; В.В. Малявина; реконструируя особенности жизненного уклада предков китайцев в древности – на выводы Л.С. Васильева и А.И. Кобзева, В.В. Малявина, А.С. Мартынова, А.А. Маслова, Л.С. Переломова.

Анализируя роль основных конфуцианских категорий в жизни китайского общества, автор обращается к работам Л.С. Переломова, А.С. Мартынова, А.А. Маслова, Л.С. Васильева, В.М. Алексеева, а также выводам А.М. Карапетянца, Яна Боцзюня, Н.И. Конрада, В.С. Колоколова, Х.Г. Крила.

Необходимостью реконструировать изначальный смысл самоназваний Китая продиктовано обращение авторов не только к оригинальному тексту «Ши цзи» с комментариями и переводу У Шупина, но также к работам М.В. Крюкова, В.А. Рубина, Л.С. Переломова, Л.С. Васильева, А.П. Девятова, В.В. Малявина, А.А. Горелова, А.С. Мартынова, Р. фон Плэнкнера, Чжоу Кэчжэна, Чэн Жунвэня; выводам Е.П. Спицына, И.С. Лисевича, К.М. Линдуф и др.

Необходимость исследования ханьских этноконсолидационных процессов определила наше обращение к работам М.В. Крюкова, М.В. Софронова, Н.Н. Чебоксарова; Л.С. Переломова, Л.С. Васильева и др., а также к исследованиям А.П. Садохина, Ю.И. Семенова, Ю.В. Ивановой.

Древнекитайскую модель универсума, реконструируемую нами на основании текста «Ши цзи» и комментариев к нему, автор соотносит с графическими моделями земли, предлагаемыми в исследованиях Н.Я. Бичурина, М.В. Крюкова, Л.С. Переломова, Л.С. Васильева, А. Девятова, Е.М. Зиновьевой, обращаясь также к трудам Л.И. Думана, К.В. Васильева, И. Ф. Поповой и А.А. Бокшанина, Ю.Л. Говорова, М.Е. Кравцовой и др.

Что же касается реконструкции модели земли в китайском восприятии, начиная с эпохи Чунцю, то, помимо текста «Ли цзи», автор опирается на работы М.В. Крюкова, Л.С. Переломова, Л.С. Васильева, А. Девятова. «Образу “варвара”» в китайской культуре посвящена работа И.Н. Ионова¹.

Кроме того, в настоящей работе широко задействованы труды по истории Китая таких авторов как К.В. Васильев, Л.С. Васильев, З.Г. Лапина, А.В. Меликсетов, А.А. Писарев, С.Л. Тихвинский и др.

Стоит заметить, что, несмотря на быгующее в китайском менталитете и приводимое синологами мнение о том, что суть древнекитайской графической модели мира выражается посредством сочетания «*тянь юань ди фан*» («круг неба, квадрат земли»), за редким исключением², в теоретической литературе нам не приходилось встречать детального рассмотрения данной модели и рассуждений о трансформации данной модели в философии Конфуция. Чаще исследователями ставилась задача проанализировать графическую модель земли в древнекитайском представлении, однако о соотношении земли и неба в подобной модели говорится редко (см. также у В.В. Малявина³).

В теоретической литературе нам также не приходилось встречать, за некоторыми исключениями⁴, и поставленной задачи определить термин «природа» («народа» или этноса) и проследить эволюцию содержания данного понятия.

¹ Ионов И. Н. Стратегии формирования образа «варвара» в древнегреческой и китайской культурах (сравнительный анализ) // Межкультурный диалог в историческом контексте : тез. конф. Москва, 30–31 сент. 2003 г. М., 2003. URL: <http://www.igh.ru/conf/tesis1/ionov.htm> (дата обращения: 10.01.2009).

² Прохорова Н. В. Китайские традиционные представления о пространстве в современной геополитике // Общество и государство в Китае : 36-я науч. конф. : к 70-летию А. А. Бокшанина. Москва, 2006. М., 2006. С. 180–186.

³ Малявин В. В. Китайская цивилизация. М., 2001. С. 324.

⁴ Переломов Л. С. Конфуцианство и легизм в политической истории Китая. М., 1981. С. 136.

Проведя анализ источников по заявленной теме, мы пришли к выводу, что отечественными исследователями напрямую не ставилось задачи сопоставить систему признаков «варварской» и «цивилизованной» природы в доконфуцианском и конфуцианском восприятии, а также проследить трансформацию китаецентристской графической модели мира, суть которой выражается посредством сочетания *«тянь юань ди фан»* («круг неба, квадрат земли»). В связи с этим мы должны восполнить данный пробел и формулируем **проблему** следующим образом: каковы различия в понимании признаков варварской природы, а также в графическом восприятии мира до и у Конфуция?

Настоящая работа исходит из того, что внешний мир и по сей день воспринимается китайцами сквозь призму этноцентристской концепции. Но каковы истоки этой концепции: в чем заключалась древнекитайская традиция графического осмысления окружающего мира и как изменилось восприятие универсума к приходу и с приходом Конфуция на историческую сцену? Каков был образ «китайца» и «варвара», запечатленный в древнекитайских философских трудах и что нового привнес Конфуций в понимание «китайской» и «варварской» «природы»?

Что касается первого вопроса, то имеется литература, описывающая как представления китайцев о мире до времени Конфуция, так и после эпохи Чунцю (эпоха «Весны и осени», VIII-V вв. до н. э.). В данной работе мы рассматриваем эти представления в динамике, предлагая свой вариант графической модели мира в древнекитайском мировоззрении, реконструированный нами на основе текстов «Ши цзи» (и комментариев к этому тексту), «Ли цзи» и др. Что же касается вопроса о признаках цивилизованности и варварства в древнекитайском менталитете, то в исследованной теоретической литературе нам не приходилось встречать опыта сопоставления системы признаков цивилизованной и варварской «природы» в доконфуцианском и конфуцианском мировоззрении. Поэтому мы выделили систему признаков «варварства» в доконфуцианских трудах и сопоставили ее с критериями «цивилизованной природы» в учении Конфуция.

Цель и задачи исследования. Исходя из сформулированной проблемы была определена и цель исследования: выявить структуру разграничения между цивилизованностью и варварством в графической модели мира до Конфуция и в конфуцианстве.

Для достижения поставленной цели авторами были сформулированы следующие задачи:

- 1) выявить систему признаков «варварства» на доконфуцианском этапе;
- 2) выявить систему признаков «цивилизованной природы» *хуа ся* в доктрине Конфуция; сопоставить ее с доконфуцианской системой признаков;
- 3) предложить вариант графической модели мира, актуальный для доконфуцианской философии;
- 4) наконец, выделить традиции и новаторство в конфуцианской графической модели мира.

Объектом данного диссертационного исследования является понимание цивилизованности и варварства в древнекитайском менталитете.

Предметную область составляют модель человека и модель мира в доконфуцианской философии и учении Конфуция.

Методологические основания диссертационного исследования.

1. Специфика поставленной проблемы определила один из методов настоящего исследования: компаративистский метод. Он позволяет рассмотреть обозначенный объект в этнопсихологическом и историкокультурном контекстах и сравнить их между собой.

2. Автором также применяется *принцип историзма*, в настоящем исследовании предполагающий изучение основных составляющих этноцентристской концепции Конфуция, рассмотрение генезиса этой концепции в китайской философии до Конфуция и обозначение роли конфуцианской внешнеполитической концепции в менталитете китайской культуры в дальнейшем.

3. *Герменевтический метод*, применяемый в настоящей работе, актуален в связи с необходимостью истолкования первоначального смысла древнекитайских философских текстов как с точки зрения самой древности, так и с позиции современного наблюдателя.

4. Настоящая работа использует и *аксиологический* подход, который дает нам возможность представить определенные формы культуры в качестве ценностей, создаваемых и существующих в этой культуре, выступающих нравственными, деятельностными и т. д. ориентирами носителя этой культуры.

Научная новизна диссертационного исследования. Автором диссертационного исследования впервые получены следующие результаты:

- 1) сформулированы основные признаки «варварства» в китайском доконфуцианском мировоззрении;

2) исследована в динамике – от доконфуцианского этапа к учению Конфуция – графическая модель мира в мировоззрении древнего Китая;

3) проанализированы изменения в смыслах понятий «Тянься», «Чунго», «Цзю чжоу» в учении Конфуция.

Научная новизна диссертационного исследования отражена в **основных положениях**, выносимых на защиту:

1) термином «природа» (народности или нации) в китайской философии обозначается априори заданная совокупность признаков, присущих каждой народности или этнической общности и определяющая ее своеобразие;

2) доконфуцианская философия выделяла *внешние* признаки отличия китайцев от варваров: внешний облик, пища, жизненный уклад, контакт со сферой сакрального посредством ритуала, «пять человеческих качеств». Конфуций в качестве отличительных признаков «природы» китайцев выделил *внутренние* – духовные потенции личности: *жэнь, дэ, ли* и др.;

3) смысл китаецентристской концепции «*тянь юань ди фан*» применительно к доконфуцианскому этапу следует понимать как «квадраты земли, вписанные в круг неба». Содержание этноцентристской модели мира у Конфуция выражается посредством сочетания «круг неба, вписанный в квадрат земли»;

4) понимание «Тянься» («Поднебесной») как «мира» пришло из доконфуцианских представлений, как «Китая» – сформировалось в эпоху Чунцю (VIII-V вв. до н. э.);

5) о феномене китаецентризма можно говорить, характеризуя любой этап китайского культурогенеза, о феномене китайского этноцентризма – только характеризуя период, начиная с эпохи Чунцю.

Апробация результатов исследования. Материалы диссертационного исследования неоднократно обсуждались на научных семинарах кафедры культурологии и социальной коммуникации. Автор выступал с сообщениями на конференциях «Актуальные проблемы гуманитарных наук» (Томск, ТПУ, 2006г.), «Актуальные проблемы гуманитарных наук» (Томск, ТПУ, 2007г.). Результаты исследования отражены в шести научных публикациях. Диссертация была представлена на заседании кафедры культурологии и социальной коммуникации. Автор исследования проходил двухгодичную стажировку в Цзилиньском университете (КНР), по итогам которой предоставил письменный отчет; в настоящее время работает переводчиком в Управлении международного сотрудничества ТПУ.

Теоретическая и практическая значимость исследования. Для понимания зафиксированного в национальном менталитете китайского взгляда на внешний мир показателен анализ именно доктрины Конфуция, окончательно задавшей направление этому взгляду. Рассмотрение же традиционного и привнесенного Конфуцием в концепцию эгоцентризма позволяет преодолеть узость понимания китаецентристской системы как «восходящей к Конфуцию»; проследить ее истоки и трансформацию в учении Совершенномудрого.

Данные диссертационного исследования могут быть использованы как материалы для учебных курсов по истории китайской философии, культурологии, а также при разработке спецкурсов «Доконфуцианские представления китайцев о мире», «Философия Конфуция», «Генезис идеи этноцентризма в китайской культуре». С этими же целями могут быть использованы выполненные автором переводы из «Ши цзи» с комментариями, «Шу цзина», «Лунь юя», «Эръя», «Куо дичжи», «Шеньи цзина».

Структура работы. Настоящее диссертационное исследование состоит из введения, двух глав (разбитых на четыре параграфа), заключения и списка литературы. Первая глава посвящена доконфуцианским представлениям о мире: в первом параграфе исследуются представления предков *хуа ся* об особенностях своей «природы» и «природы варваров», во втором реконструируется доконфуцианская графическая модель мира. Во второй главе отражены внешнеполитические взгляды Конфуция: в первом параграфе – на «природу» *хуа ся* и варваров; во втором – на Китай и внешний мир.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во введении формулируется проблема диссертационного исследования, обосновывается его актуальность. Проводится анализ круга источников, определенного поставленной проблемой. Ставятся цель и задачи, излагаются основные положения и результаты диссертационного исследования. Определяется методологическая база исследования, обосновывается его теоретическая и практическая значимость.

В первой главе «Доконфуцианские представления китайцев о мире: истоки идеи этноцентризма» исследуются истоки и предпосылки формирования этноцентристской концепции в культуре Древнего Китая: на основании древнекитайских философских текстов реконструируются представления предков *хуа ся* о мире и населяющих его народах.

Исследованная нами теоретическая литература по синологии интерпретирует феномен китаецентризма в статике: как издавна сложившийся и функционирующий в китайской культуре. В настоящей работе предпринята попытка рассмотрения этого явления в динамике: исследуется трансформация не только китаецентристской графической модели мира, но и системы признаков варварства и цивилизованности в китайской культуре, а также смыслов терминов «Тянься», «Чжунго», «Цзиу чжоу» – понятий, которые в теоретической литературе чаще однозначно трактуются как «древние самоназвания Китая».

В параграфе 1.1. «Признаки варварства в древнекитайской философии до Конфуция. “Природа” китайцев и “природа” варваров» автор реконструирует модель «варвара» в китайском доконфуцианском мировоззрении. Идея эгоцентризма не была изобретением только китайского этноса. Отличительными же чертами этноцентризма в его китайском варианте выступают его функционирование в качестве основополагающего принципа внешней политики на протяжении всей истории императорского Китая и сохранение чувства этнического превосходства в национальном менталитете по сей день. Среди особенностей внешнеполитических взглядов предков *хуа ся* в эпоху Шан – Инь Л.С. Переломов называет отсутствие еще четкого противопоставления «мы – они» («китайцы – варвары») и восприятие фигуры Сына Неба (а не Китая как политического института или *хуа ся* как этнической общности) в качестве центра мира.

Пренебрежительное отношение к варварам как к «полулюдям-полузверям» нашло свое отражение в китайской иероглифике. Автором проводится анализ знаков китайского письма, служащих для обозначения «варварских родов» («и», «ди», «мань», «жун»), в качестве ключа¹ в которых используются знаки «собака» и «червь». Акцентируется и тот момент, что помимо значения «варвар» эти иероглифы несут значения «дикий, грубый, необузданный, вульгарный»; «безрассудно, без определенного порядка» – «мань» или «оружие; войска» – «жун». (Последний факт, очевидно, связан с тем, что основная часть военных столкновений в древности проходила именно с *жунами*). Замечается, однако, что на доконфуцианском этапе каждое из названий варварских родов не было связано с определенной стороной света.

В основе зарождавшихся представлений предков китайцев о своей «избранности» лежало восприятие ими уникальности своей «природы». Понятие

¹ Ключ – часть иероглифа (обычно левая), несущая смысловую нагрузку.

«природа» в настоящем исследовании интерпретируется как априори заданная совокупность признаков, присущая каждой народности или этнической общности и определяющая ее своеобразие, как уже было отмечено нами в «Основных положениях, выносимых на защиту». Выделяется система признаков «варварской природы» в доконфуцианском мировоззрении:

- 1) употребление животной пищи;
- 2) «дикий» внешний облик;
- 3) «стадный» жизненный уклад;
- 4) примитивный ритуал или его отсутствие;
- 5) отсутствие «пяти человеческих качеств» (почтительного поведения, зрения, слуха, речи, мыслительных способностей).

Главным материалом исследования в данном случае стали тексты «Ши цзи» и «Шу цзина», а также комментарии к «Ши цзи» и фрагменты из «Куо дичжи» и «Эръя». Кроме того, использованы переводы «Ши цзи» и «Шан шу» на *байхуа* (китайский разговорный язык) и русский язык. Делается вывод о том, что доконфуцианская философия выделяла *внешние* признаки отличия китайцев от варваров. При этом цивилизация (то есть китаизация) варваров осмыслялась в доконфуцианских трудах как искоренение выделенных нами выше признаков. Как отмечает в своем комментарии к «Ши цзи» Сюй Гуан, цивилизация варваров есть изменение их облика, одежды; приобщение их к китайским обычаям.

После реконструкции модели цивилизованного человека в доконфуцианской философии, для отображения полноты взгляда предков китайцев на универсум, необходимо воссоздать и структуру окружающего мира, в которую были вписаны образы «цивилизованного хуа ся» и «дикого варвара».

Параграф 1.2. «Графическая модель универсума в доконфуцианской философии: особенности концепции «тянь юань ди фан» и значений древних самоназваний Китая» посвящен реконструированию графической модели мира в доконфуцианском мировоззрении.

Словосочетание «*тянь юань ди фан*», отражающее смысл древнекитайской модели мира, дословно переводится на русский язык как «круг неба, квадрат земли». Это оставляет исследователям определенное поле для размышления о соотношении круга и квадрата в подобной графической системе. Стремясь упорядочить противоречащие мнения о том, что мир традиционно представлялся китайцу как «*квадрат земли, вписанный в круг неба*», либо, наоборот: «*круг неба, вписанный в земной квадрат*», автор предлагает рассматривать китайскую модель

мироустройства в динамике: «квадрат земли, вписанный в круг неба» – в доконфуцианской философии, «круг неба, вписанный в квадрат земли» – в конфуцианстве. С этой целью исследуются тексты первых цзюаней «Ши цзи»: «Записок пяти императоров», «Записок династии Ся», «Записок династии Инь», «Записок династии Чжоу» – с комментариями, а также конфуцианские тексты («Лунь юй», «Ли цзи»).

Чаще в литературе для описания феномена китайского эгоцентризма используется термин «этноцентризм». Это понятие – «этноцентризм» – мы считаем верным применять только при характеристике внешнеполитических взглядов Конфуция, поскольку складывание китайского этноса происходит к эпохе Чунцю. Однако на протяжении всей истории китайской культуры остается актуальным понятие «китаецентризм», поскольку, как будет детально показано ниже, центр мира в китайском представлении всегда соотносился со Срединным царством (*Чжунго*). А это понятие переводится на русский язык как «Китай».

Выделяются следующие предпосылки складывания китаецентристской концепции:

1) представления о мироустроительной роли вана, основанные на культе *Шанди*, а в дальнейшем – Неба и теории «Небесного мандата»;

2) пятичленное (центр и четыре стороны) пространственное восприятие.

Настоящее исследование приходит и к тому заключению, что мифический предок китайцев – Хуан Ди – воспринимался как родоначальник не только *хуа ся*, но и всего человеческого рода, включая варваров. В «Куо дичжи» (танском труде по географии) и «Шэньи цзине» («Книге сказок») рассказывается о четырех «диких» потомках Пяти императоров с «ущербными» личностными качествами, которые были высланы из Срединного царства на «четыре окраины».

В целом, реконструированная автором доконфуцианская модель мира выглядит следующим образом. Земля есть система расходящихся от центра квадратов, центральный из которых – земли, подвластные непосредственно вану – носят название *Чжунго* (Срединное царство) или *Тяньцзы чжи го* (Государство Сына Неба). Далее от центра квадраты именовались соответственно: окрестные земли – *дяньфу*, владения *чжухоу* (удельных князей) – *хоуфу*, умиротворяемые [ваном] земли (или повинующиеся [вану] земли) – *суйфу* или *биньфу*, завоеванные ваном земли – *яофу*, пустынные земли – *хуанфу*. За пустынными землями простирались зыбучие пески – *луша*. Собственно шан-иньские и чжоуские земли, располагавшиеся в пределах *дяньфу*, *хоуфу*, *суйфу* и *яофу* были разделены на девять

областей (*цзю чжоу*): *И чжоу*, *Янь чжоу*, *Цин чжоу*, *Сюй чжоу*, *Ян чжоу*, *Цзин чжоу*, *Юй чжоу*, *Лян чжоу*, *Юн чжоу*. Пустынные земли были населены варварами и высланными преступниками, которыми эта высылка заменяла наказание. С тяжестью преступления увеличивалась и удаленность места ссылки от центра.

Однако варвары (как и сосланные преступники) населяли и *яофу* («дикари») упоминаются, например, в описании *И чжоу*, *Сюй чжоу*, *Ян чжоу*, *Юн чжоу*). Этот факт представляется доказательством не до конца оформившейся еще этноцентристской модели мира, в которой граница между землями китайцев и варваров будет четко очерчена. В доконфуцианской же графической модели мира и китайцы, и варвары населяли единую Поднебесную – землю. Подтверждением этому является существовавшая с глубокой древности система даннических связей. Сыма Цянь в «Записках династии Ся» приводит описание дани, преподносимой вану жителями каждой из девяти областей. Что примечательно, такая система обложения данью не делала большого разграничения по признаку «китаец – варвар». Вид приносимой ко двору дани определялся только географическим критерием – местностью, в которой проживали подданные.

Автор также приходит к выводу о том, что на доконфуцианском этапе не существовало еще определенности и в смысле контраверсы «*ней* – *вай*» («внутренний – внешний»), которая воспринимается современными китайцами как «китайский – иностранный» («свой – чужой»). Судя по тексту Сыма Цяня и комментарию Ду Юя, понятия «*ней*» и «*вай*» могли быть применимы как для обозначения смысла «свой – чужой», так и просто для обозначения нахождения объекта «в пределах» или «за пределами» какого-либо из «земных квадратов». Термин «*ней*» еще не стал исключительно указателем принадлежности к Срединному царству.

Обычно идею миссии, закрепленную в китайском сознании, дополняют заложенным в китайской душе дружественным и даже братским отношением к «окраинным народам», приводя в доказательство высказывание Конфуция о том, что в пределах четырех морей все люди – братья. Однако автор работы обращает внимание на то, что «четырьмя морями» в Древнем Китае именовались именно земли варваров. А это значит, что при всем миролюбивом отношении к варварам, Конфуций не стремился однозначно распространить на них те принципы семейной иерархии, которые должны были быть реализованы в *Чжунго*. «Варвары» для китайца всегда оставались полулюдьми–полужверями.

В конце первой главы подводятся итоги рассуждений о модели человека и модели мира в доконфуцианском мировоззрении. Автор заключает, что на доконфуцианском этапе под понятиями «*Чжунго*» и «*Тяньцзы чжи го*» понимались земли, находящиеся в непосредственном владении китайского правителя. Термином «*Цзиу чжоу*» обозначалась территория собственно шан-иньских и чжоуских земель. Срединное царство было центральным квадратом в графической системе земли, а Девять областей располагались на территории четырех последующих «квадратов». За Девятью областями располагались еще два пояса земель, окруженных зыбучими песками и населенных варварами и сосланными преступниками. Круг неба, по доконфуцианским представлениям, покрывал всю землю, которая потому именовалась именовалась *Тянься* – Поднебесная. Смысл графической модели мира на этом этапе выражается сочетанием «*квадрат земли, вписанный в круг Неба*».

С завершением этноконсолидационных процессов в эпоху Чунцю, с возникновением китайской нации, возникла необходимость в этнической самоидентификации. В представлениях *хуа ся* об окружающем мире и населяющих его народах произошли изменения, которые нашли свое отражение в учении Конфуция. Во второй главе диссертационного исследования «*Этноцентристская концепция в конфуцианстве*» исследуется модель человека и модель мира в «*Лунь юе*» и более поздних конфуцианских трудах. В параграфе 2.1. «*Философские категории Конфуция как признаки “цивилизованного этноса”*», разрабатывается положение о том, что на смену выделенными нами в параграфе 1.1. внешним признакам разграничения «цивилизация – варварство» у Конфуция приходят признаки внутренние – духовные потенции личности.

Для анализа духовных потенций как признаков цивилизованности в доктрине Конфуция выделяются три категории, которые наиболее часто упоминаются при интерпретации этого учения и представляют, по нашему мнению, понятия одного порядка (обозначающие, прежде всего, внутренние личностные состояния): *жэнь*, *дэ* и *ли*. Носителем реализованных духовных потенций в учении Конфуция является идеал человека – совершенный муж (*цзюньцзы*). Однако в «*Лунь юе*» говорится и о *дэ* «низменного человека» (*сяо жэнь*), А.М. Карапетьянц, анализируя взгляды Конфуция, говорит о *жэнь* (простого) человека. А.М. Карапетьянца и А.С. Мартынов распространяют различные виды *жэнь* и *дэ* соответственно на все слои конфуцианского общества. Напрашивается вывод: развиться «из себя» благие потенции могли лишь в личности *цзюньцзы*, посредством наитяжелейшего процесса самостановления, «преодоления себя» (*кэ цзи*). Однако носителями не развитых еще

дэ, жэнь, ли и т. д. был каждый хуа ся. Именно эти потенции и выступили у Конфуция признаками цивилизованности.

Автор исследует текст «Лунь юя» и «Ли цзи» и приходит к выводу, что в некоторых своих высказываниях Конфуций проводит границу между «цивилизованными китайцами» и «дикими варварами» именно по способности или неспособности достичь указанных нравственных состояний и как следствие – достичь Порядка и Гармонии на своих землях («Лунь юя»: гл. 3-5, 13-19, 11-1, 14-43; «Ли цзи»: гл. 37 «Записки о музыке»). Большое значение Конфуций придавал участию указанных качеств *цзюньцзы* в управлении – воздействию на «ближние» и «дальние» народы. И что примечательно, как в доконфуцианской философии, так и теперь, «исправление» варваров представлялось как искоренение указанных нами признаков «варварской природы». Так, о намерении изменить варваров при помощи благого влияния *цзюньцзы*, Конфуций говорит в главах 9-14, 16-1 «Лунь юя», а также в главе 36 «Ли цзи» «Записки об учении». Фигуру *цзюньцзы* данная работа интерпретирует как модель человека, в максимальной степени развившего нравственно-этический потенциал, заложенный в каждом хуа ся. Фигуру *сяо жэнь* – как модель человека, не реализовавшего морально-этического потенциала, изначально заложенного в его «цивилизованной природе».

В работе также исследуются значения, которые вкладывал Конфуций в категории *жэнь*, *дэ* и *ли*. Акцентируется, что конфуцианским категориям свойственна широкая полисемия. Кроме того, категории Конфуция находятся в тесной взаимосвязи и в тексте «Лунь юя» часто трактуются посредством друг друга. Это затрудняет и усвоение смыслов категорий, и их перевод на европейские языки. Автор предлагает свой вариант трактовки указанных категорий, согласно которой под *жэнь* Конфуций понимал присущую всем хуа ся потенцию, которая может реализоваться посредством «преодоления себя» (*кэ цзи*), и содержание которой есть совокупность гуманистических личностных качеств и их надлежащего социального проявления. *Дэ* (в учении Конфуция) данная работа определяет как потенцию, заложенную в «цивилизованной природе» хуа ся, способную развиться «из себя» посредством «кэ цзи»; выражающую «высшую меру этического совершенства» личности и представляющую собой наиболее общее «надлежащее» (то есть предписанное нормами) отношение ко всему внешнему миру. *Ли* в контексте философии Конфуция интерпретируется как присущую «природе» хуа ся потенцию приобщения к сфере сакрального и следования этическим нормам. *Ли* может быть

рассмотрено и как инструмент контакта с сакральной сферой, а также как инструмент трансформации в «совершенного мужа».

Решение поставленной проблемы исследования предполагает также анализ конфуцианских текстов с целью воссоздания трансформировавшейся графической модели универсума. Этот анализ проводится в параграфе 2.2. «Традиции и новаторство в графической модели универсума: трансформация концепции «тянь юань ди фан» и смыслов самоназваний Китая». Завершение процесса формирования этнического сознания *хуа ся* повлекло за собой окончательное оформление в его рамках контраверсы «*чжун – вай*» («китайский – варварский»), основанное на понятии о культурном превосходстве своей нации. Трансформировалась и закрепленная в китайском национальном сознании пространственная модель.

Новая графическая система, в которой четко проводится граница между окраинами и центром, зафиксирована в тексте «Ли цзи». Она выглядит следующим образом. Земля, если смотреть на нее сверху, представляет собой квадрат, вершины которого направлены по четырем основным сторонам света. Круг неба, вписанный в земной квадрат, накрывает только центральную часть земли, на которой расположено *Чжунго*. Поэтому только *Чжунго* теперь есть Поднебесная. В конфуцианской модели земли «диких варваров» уже не являются частью Поднебесной. Великое Небо источает свою благуя силу только на те земли, которые оно покрывает. А на этих землях расположено только Срединное царство – Китай.

В китайском языке зафиксированы два значения термина «Тянься»: «мир» и «Китай». Подобная двойственность иногда объясняется тем, что Китай и цивилизованный мир для китайца – одно и то же. На основе исследованных источников, автором формулируется гипотеза о том, что первое указанных значений понятия «Поднебесная» сформировалось на доконфуцианском этапе, второе – в период Чунцю и было осмыслено в рамках конфуцианства.

Под терминами «Тянься» и «Чжунго», начиная с эпохи Чунцю, понимается государство *всех ся*. Поэтому термин «Тяньцзы чжи го» (Государство Сына Неба) как синоним понятию «Чжунго» больше не используется. При этом смысл названия «Срединное государство» мы интерпретируем не только как «государство, расположенное в центре мира», но и как «государство, в котором возможно достижение состояния «Золотой середины», реализация Срединного пути и Срединного дэ.

Понятие «Девять областей» также становится самоназванием Китая.

Поскольку земли варваров с эпохи Чунцзо воспринимаются как ориентированные по четырем основным сторонам света, то и каждое из собирательных названий варварских племен – *и*, *ди*, *мань*, *жуны* – теперь соотносится с определенной из сторон (см. об этом [82. С. 135 – 136]). Появляются сочетания северные *ди*, восточные *и*, южные *мань*, западные *жуны*. Смысл конфуцианской пространственной модели выражается сочетанием «*круг неба, вписанный в квадрат земли*».

Такая эгоцентристская картина мира, где варвары, не способные пройти процесс личностного становления и приобщиться к культуре без помощи цивилизованных *хуа ся*, населяли только окраины мира, остается актуальной в китайском менталитете и до сих пор. Она же стала основой внешней политики императорского Китая.

В заключении второй главы автор обозначает основные изменения, которым подверглись внешнеполитические воззрения древних китайцев в учении Конфуция, которые были объективно связаны с завершением формирования китайского этноса и китайской государственности. Возникшая потребность в национальной самоидентификации повлекла за собой необходимость отделить «китайские земли» от «некитайских».

В эпоху Шан – Инь и начале Чжоу фигура китайского правителя и земли, непосредственно ему подвластные (*Тяньцзы чжи го*), отождествлялись с центром мира. Все остальные люди в мире воспринимались как подданные вана. Существовала некая аморфность в восприятии китайских и некитайских земель. Это отражалось на графической модели мира, которая выглядела как система квадратов, последовательно расходящихся от центра. Центральный квадрат в этой модели представляло собой Государство Сына Неба; подданные вана селились в пределах других квадратов согласно своему рангу. Варвары и сосланные преступники населяли наиболее удаленные от центра мира земли. Четкой границы между «здоровыми землями» китайцев и «ущербными землями» варваров не проводилось.

В графической модели мира, оставшейся зафиксированной в конфуцианских трудах, четко очерчивается граница между «избранными землями» всех *ся* и «ущербными землями» инородцев. Земли китайцев в новой пространственной модели располагаются в центральной части земного квадрата, расположенной под кругом небес; земли варваров – на непокрытых небесами углах квадрата земли, ориентированных по основным сторонам света. Поэтому теперь под «Поднебесной» понимается только Китай.

Кроме того, в учении Конфуция изменяется и система признаков «цивилизованной» и «варварской природы» человека. На ранних этапах развития общественного сознания, свое отличие от «дикарей» предки китайцев видели во внешних признаках: пище, одежде и т. д. У Конфуция как уникальные проявления «цивилизованной китайской природы» стали восприниматься внутренние духовные потенции, реализовавшиеся в личности *цзюньцзы*: *жэнь*, *дэ*, *ли* и др.

Подобные взгляды Конфуция в дальнейшем не только были развиты в лоне конфуцианского учения, но и оказали и влияние на вектор развития китайских воззрений на весь внешний мир. До сих пор китайцы в глубине своей души считают жителей других государств «варварами» и полагают необходимым приобщить их к «цивилизации», то есть к китайской культуре. С такой системой взглядов трудно совместима мысль о взаимном влиянии и взаимном обогащении разных культур.

В заключении дается окончательный ответ на основной вопрос диссертации: в чем смысл доконфуцианской традиции и в чем новаторство Конфуция в концепции китаецентризма? Традиция – в восприятии мира, выраженном как «*тянь юань ди фан*»; в понимании *Чжунго* как центра этого мира; в представлении о «цивилизованной природе» *хуа ся* и «ущербной природе» варваров. Новаторство – в изменении соотношения «квадрата земли» и «круга неба» в плоскостной модели универсума; в понимании *Тянься*, *Чжунго* и *Цзю чжоу* как наименований государства *хуа ся*; а также в понимании того, что «цивилизованную природу *хуа ся*» отличают присущие ей духовные потенции: *жэнь*, *дэ*, *ли* и др.

Рассмотрение традиционного и нового в концепции этноцентризма Конфуция, предпринятое в данной работе, позволяет преодолеть узость понимания идеи китаецентризма как «восходящей к Конфуцию». Вывод таков: идея китаецентризма зародилась в доконфуцианскую эпоху и трансформировалась у Конфуция в идею этноцентризма.

Основное содержание диссертации отражено в следующих публикациях.

Статья в журнале, рекомендованном ВАК Министерства образования и науки РФ для публикации основных научных результатов диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук:

1. Липовцева, Е.М. (Добрицкая Е.М.) Модификация значений самоназваний Китая – от доконфуцианской философии к учению Конфуция [Текст] / Е.М. Липовцева // Вестник Томского государственного университета. – 2007. – № 303 – С. 25–28. (0,55 пл.)

В других научных изданиях:

2. Липовцева, Е.М. (Добрицкая Е.М.) Отражение феномена китайского этноцентризма в языковой картине мира [Текст] / Е.М. Липовцева // Современные тенденции развития социально-коммуникативной сферы: технологии, направления, перспективы : труды III Межрегиональной научно-практической конференции студентов, аспирантов и ученых – Томск : Изд-во Том. политех. ун-та, 2006. – С. 92–96. (0,2 п.л.)

3. Липовцева, Е.М. (Добрицкая Е.М.) Интерпретация конфуцианских внешнеполитических воззрений в европейской философии XIX в. На примере воззрений Райнхольда фон Плэнкнера [Текст] / Е.М. Липовцева // Актуальные проблемы гуманитарных наук : труды V Международной научно-практической конференции студентов, аспирантов и молодых ученых. – Томск : Изд-во Изд-во Том. политех. ун-та, 2006. – С. 52–55. (0,3 п.л.)

4. Липовцева, Е.М. (Добрицкая Е.М.) Критерии разграничения «цивилизация – варварство» как факторы консолидации ханьской общности на доконфуцианском этапе [Текст] / Е.М. Липовцева // Актуальные проблемы гуманитарных наук : труды VI Международной научно-практической конференции студентов, аспирантов и молодых ученых. – Томск : Изд-во Том. политех. ун-та, 2007. – С. 338–340. (0,32 п.л.)

5. Липовцева, Е.М. (Добрицкая Е.М.) Китайский культуроцентризм в доконфуцианской и конфуцианской философии [Текст] / Е.М. Липовцева // Проект в социально-культурной сфере: методология, методика, механизмы реализации. – Томск : Дельтаплан, 2007. – С. 39–44. (0,3 п.л.)

6. Липовцева, Е.М. (Добрицкая Е.М.) Основные философские категории в системе китайского этноцентризма [Текст] / Е.М. Липовцева // Актуальные проблемы гуманитарных наук : сборник научных трудов. – Томск : Изд-во Том. политех. ун-та, 2008. – С. 399–400. (0,2 п.л.)

18

Тираж 100 экз.
Отпечатано в КЦ «Позитив»
634050 г. Томск, пр. Ленина 34а